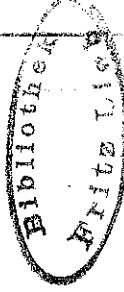

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ДУШЪ

ПРОБЛЕМА БЕЗСМЕРТІЯ ВЪ ОККУЛЬТИЗМѢ
И ХРИСТІАНСТВѢ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Николая Бердяева, О. Сергія Булгакова, Б. Вышеславцева,
В. В. Зыковского, О. Г. Флоровскаго, С. Франка

Lib E C 135

YMCA PRESS
PARIS

1935

№52,240
Katalog

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
1. С. ФРАНЦЪ. — Учение о переселении душъ (рели- гиозно-исторической очеркъ)	7
2. Прот. С. БУЛГАКОВЪ. — Христианство и Штей- нерианство	34
3. НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ. — Учение о перево- площеніи и проблема человека	65
4. В. В. ЗЪНЬКОВСКИЙ. — Единство личности и проблема перевоплощенія	83
5. Б. ВЪШЕСЛАВЦЕВЪ. — Безсмертіе, перевопло- щеніе и воскресеніе	109
6. О. Г. ФЛОРОВСКИЙ. — О Воскресеніи мертвыхъ	135

Printed in France.

ХРИСТИАНСТВО И ШТЕЙНЕРΙΑНСТВО

Задачей настоящего очерка является сопоставление не церковного христианского учения и доктрины Р. Штейнера, — с имманентно вытекающими отсюда выводами. Но предварительно сдѣлаем самое краткое сопоставление положений христианской метафизики с основными предпосылками антропософии и теософии. Христианство исповѣдуетъ вѣру въ единого тріипостаснаго премірнаго Бога, Абсолютнаго Духа, живущаго Своей абсолютной жизнью въ единой природѣ и самооткровеніи (Софія). Миръ есть твореніе Божіе, которое вызвано изъ небытія творческимъ актомъ Божіимъ. Между Богомъ и міромъ постольку существуетъ непреходимая бездна, какъ между Творцомъ и твореніемъ, но въ то же время миръ имѣетъ въ себѣ и божественную основу (Софія). Человѣкъ является его средоточіемъ, какъ сущій образъ Божій, имѣющій въ себѣ искру Божественнаго духа. Человѣкъ имѣетъ бессмертный личныи духъ, сопряженный съ животной душою и тѣломъ. Духъ есть личное начало въ человѣкѣ, которое остается самостоятельнымъ, продолжающимъ свою единую жизнь какъ въ земной оболочкѣ, такъ и послѣ смерти, въ загробномъ состояніи временной развоплощенности, такъ и въ жизни

воскресенія, когда онъ снова облекается въ прославленное тѣло. Личное я развивается и возрастаетъ въ своей жизни, въ разнахъ ея эпохи и зоны, въ отношеніи къ ея содержанию, но само оно, какъ личное начало, имѣетъ въ себѣ печать вѣчности и эволюціи не подлежащей. Христианство въ этомъ смыслѣ существенно персоналистично, личное я въ человѣкѣ принадлежитъ къ образу Божію въ немъ, подобно Божественной влостаси. Миръ есть живое и живущее — въ до-человѣкъ (животныхъ) и въ человѣкѣ естество, воодушевляемое тварными животными душами. Духовное и духовно-тѣлесное начало въ человѣкѣ различаются своей природой, какъ божественное и тварное. Какъ имѣющій образъ Божій и частицу Божества, человѣкъ есть тварный богъ, богъ по благодати, призванный возглавлять собою твореніе, — микрокосмъ въ макрокосмѣ. Человѣкъ сотворенъ Богомъ во всей полнотѣ, имѣя духъ, душу и тѣло, и въ этомъ отношеніи онъ эволюціи не подлежитъ, хотя полнота силъ его раскрывается въ развитіи. Наряду съ человѣкомъ существуетъ ангельскій миръ бесплотныхъ тварныхъ духовъ, которые творятъ волю Божію въ мирѣ, какъ служебные духи, ангелы, въ силу своей сообразности человѣку, своей сочеловѣчностью, хотя она и ограничена въ нихъ ихъ бесплотностью. Они не творцы, но слуги Божіи, «ангелы». Человѣкъ палъ на грани своего бытія въ силу свойственной ему свободы, погрузившись въ космизмъ и утративъ господствующее положеніе въ мирѣ, который черезъ то лишился своей гармоніи. Для возстановленія челоѣка, для искупленія его отъ грѣха и спасенія міра самъ Богъ, именно Вторая Влостасъ Божества, Логосъ, сошедъ съ неба, принялъ челоѣческое естество, сталъ Богочеловѣкомъ и это Богочеловѣчество сообщило всему челоѣческому роду и его утвердилъ чрезъ сошествіе Св. Духа, соединившаго земное и небесное. Церковь съ ея ученіемъ и благодатными таинствами есть жизнь Богочеловѣческая, въ которой совершается спасеніе, — живой вѣрой въ Господа Іисуса

Христа и жизнью по этой вѣрѣ (дѣлами). Состояніе земной церкви, въ которой мы въ свободѣ своей совершаемъ свое спасеніе, преодолевая въ себѣ ветхаго Адама жизнью въ Новомъ Адамѣ, не есть окончательное, но переходное. По исполненіи времени и сроковъ исторіи, когда невѣста Христова Церковь уготоваетъ себя на бракъ, совершится Второе Пришествіе Христова, наступитъ конецъ этого міра, преображеніе его Духомъ Св., судъ Христовъ надъ живыми и мертвыми и жизнь будущаго вѣка. Предѣломъ здѣсь является обоженіе творенія, когда вопарится Христость и предасть царство Отцу, и будетъ Богъ все во всемъ.

Итакъ, христіанство есть, во-первыхъ, Т е и з м ѣ въ своемъ противопоставленіи Бога міру, Творца — творенію; во-вторыхъ, ученіе б о г о ч е л о в ѣ ч е с т в а въ признаніи прямого и положительнаго соотношенія Творца творенію, имѣющему средоточіе въ человѣкѣ; въ-третьихъ, э с х а т о л о г и з м ѣ въ чаяніи новыхъ свершеній въ мірѣ, онтологическихъ катастрофъ, каковыми въ извѣстномъ смыслѣ являются боговоплощеніе, сошествіе Св. Духа, второе пришествіе Христова и преображеніе міра, — творческіе акты Бога въ мірѣ, которыми соотвѣтствуютъ творческіе акты и со стороны человѣка.

Мировозрѣніе тео- и антропософіи характеризуется вполне противоположными чертами. Оно есть прежде всего пантеистическій натурализмъ или спиритуалистическій гилозоизмъ (въ исторіи философіи болѣе всего напоминающей метафизику древняго стоицизма). Нѣтъ Бога и міра, какъ Творца и творенія, но существуетъ міръ, представляющій собою живую лѣтвицу божественныхъ потенцій или сущностей (Wesenheiten), «іерархій», «плановъ» и под. «Богъ, боги, божественное, божественная сущности» и т. д., подобная синонимическая выраженія въ невообразимой и какой то нарочито неряшливой неточности пестрятъ въ сочиненіяхъ Штейнера, отличая разными отгѣнками, временами даже почти тенд-

2
ма, (1) но, какъ правило, самаго рѣшительнаго пантеизма или космо-теизма, даже политеизма или, что въ данномъ случаѣ есть одно и то же, и атеизма. Это есть своеобразное языческое міробожіе, которое не знаетъ Бога н а д ѣ м і р о м ѣ , но только в ѣ м і р ѣ . Вторая черта этого мировозрѣнія есть принципиальное отсутствіе различія между духомъ и не-духовномъ, духовнымъ и недуховнымъ: все духовно, а духовность эта есть внутренняя сторона разныхъ «плановъ» или «тѣлъ». «Духъ» есть первовещество міра, «der Mensch ist aus dem Geiste entsprungen, und alles äussere ist wie eine Verdichtung aus dem heraus» (Mr. Ev. 84). Нѣтъ слова болѣе употребительнаго въ «Geisteswissenschaft» нежели Geist, и вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ понятія, которое оставалось бы въ болѣе многозначности и не-уловимости нежели это (въ этомъ отношеніи оно раздѣляетъ судьбу лишь съ понятіемъ «богъ»). Полное отсутствіе богословско-философскаго опредѣленія духа и духовнаго позволяетъ употреблять это понятіе въ отношеніи къ живому, къ душевному, къ духовному (2). Благодаря этому съ неимовѣрной легкостью совершается переходъ отъ духа къ «тѣламъ», а въ самыхъ тѣлахъ отъ «физическаго» тѣла къ тѣламъ восходящей духовности, къ я и къ тому, что лежитъ за я. Этого мнимый спиритуа-

1) Можно встрѣтить у Штейнера и такое, напр., такое неудовимое по своей неточности сужденіе: «Dieses Göttliche Geistige in der heutigen Gestalt... die unsichtbare Welt hinter dieser ganzen sichtbaren Tageswelt, das nennt die Christliche Esoterik den «Logos» oder das «Wort»... alles Tierreich, Pflanzenreich, Mineralreich aus dem Logos entstanden. Alles ist Verkörperung dieses Logos» (Joh. 56).

2) Штейнеръ, какъ онъ самъ рассказываетъ о себѣ въ антропософскаго періода, соприкасался (хотя, очевидно, дилетантски) съ равными философскими учениями и былъ, во всякомъ случаѣ, во всеоружіи европейской культуры 19 вѣка. Между тѣмъ, въ своихъ антропософскихъ сочиненіяхъ онъ пишетъ какъ человѣкъ, никогда не соприкасавшійся съ философией.

лизм, который по существу есть гилозоизм, однаково уничтожаетъ существо и духовнаго бытія, потому что беретъ ихъ за одну скобку, какъ разныя лишь состоянія или ступени жизни. Слѣдующая черта одинаково какъ теософскаго, такъ и антропософскаго міровоззрѣнія есть универсальный эволюцианизмъ: міръ есть эволюція бога въ міръ, теокосмоса, которая опредѣляется особыми планетарными состояніями. Эта эволюція связана духовно-тѣлеснымъ детерминизмомъ, въ путяхъ своихъ она опредѣляется кармой необходимости, а въ осуществленіи дѣйствіемъ іерархій. Эти духовныя іерархіи и есть собственно подлинная онтологія міра, который самъ по себѣ и не существуетъ, есть майя или иллюзія, такъ же какъ и самъ человѣкъ. Истинно лишь то, что имѣется «Sammelplatz fuer geistige Hierarchien», тѣла которыхъ выражаются въ телоты и свѣтъ... Тоже и сердце въ человѣкѣ есть Scheingebilde, — bewirkt durch ganz bestimmte Kräfte, которые притекаютъ съ неба и перестраиваются». Также и «der Mensch ist nur ein Scheinbild» (M., 73). Scheingebilde есть все, что существуетъ на физическомъ планѣ, солнце и все (ib.). Онтологически существуетъ лишь макрокосмъ, совокупность духовныхъ «іерархій», которые своимъ дѣйствіемъ осуществляютъ эволюцію міра. Это не мѣшаетъ однако признанію того, что въ микрокосмѣ-человѣкѣ наличествуетъ эта же совокупность, и въ этомъ смыслѣ становящійся міръ есть человѣкъ. Въ міръ онъ возникаетъ, но полнота его возникновенія есть дѣло эволюціи будущаго. Потому все есть человѣкъ, но емѣстъ еще и нѣтъ человѣка, а тѣмъ болѣе человѣческой личности, которая есть лишь скрещиваніе вліяній космическихъ іерархій.

Отсюда проистекаетъ и слѣдующая и притомъ важнѣйшая черта всего этого теокосмическаго міровоззрѣнія: общій законъ эволюціи въ отношеніи къ человѣку осуществляется какъ законъ первоуплощенія, который имѣетъ

самое всеобщее антропокосмическое значеніе: alles, in der grossen Welt und in der kleinen Welt unterliegt dem Gesetze der Wiederverkörperung» (Joh. 25), и, вслѣдствіе тождества человѣка и міра въ его эволюціи, «существуетъ столько же прежнихъ воплощеній планетъ, сколько и прежнихъ воплощеній человѣка». Первоуплощеніе есть универсальный законъ эволюціи міра и человѣка. Очевидно, при этомъ *космическомъ* пониманіи первоуплощенія трудно говорить о немъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понималось въ ученіяхъ метампсихозиса, т. е. воплощенія одной и той же души въ разныхъ тѣлахъ, при наличіи все же одинаго, такъ сказать, субъекта этихъ перевоплощеній. Такого субъекта звать нѣтъ, онъ только становится, возникаетъ. Личное самосознаніе, Ich, есть стадія въ развитіи «тѣла» человѣка, которая притомъ есть уже доволно позднего происхожденія и не до конца совершившаяся. Строго говоря, нѣтъ индивидуальнаго субъекта первоуплощенія, но лишь его-объектъ, если есть, впрочемъ, и послѣдній, поскольку и онъ есть лишь «майя», точка скрещенія дѣйствій іерархій. Тѣмъ не менѣе, вообще первоуплощеніе, хотя и неопредѣлимо кого и чего, есть основной догматъ антропософіи, которая въ этомъ смыслѣ является предѣльнымъ имперсонализмомъ, радикальнымъ отрицаніемъ личнаго, неповторимаго начала въ человѣкѣ въ пользу неопредѣленно расплывшейся космической реальности. Въ этомъ имперсонализмѣ всѣ кошки сѣры. Однаково возникаетъ и эволюционируетъ богъ, какъ и міръ, какъ и человѣкъ, и не существуетъ ничего законченнаго, устойчиваго и вѣчнаго, какъ не существуетъ и ничего личнаго (самое употребительное выраженіе у Штейнера, даже и о высшихъ божественныхъ агентахъ, есть «Wesenheiten»). Однаково не существуетъ личнаго Бога, какъ и личности человѣка, въ качествѣ неизмѣннаго субъекта всѣхъ своихъ состояній. Поэтому нѣтъ мѣста и личному отношенію человѣка къ Богу, каковыя является молитва и любовь, но существуетъ лишь

бездличное и обезличивающее растворение в космосъ, медитация, «упражнения». Поэтому, в точномъ смыслѣ слова, нѣтъ мѣста и перевоплощенію, но лишь безличной эволюціи, безкрайному Бергсоновскому élan vital³⁾. Поэтому то «первоположеніе» какъ принципъ космической эволюціи, существовавшее имперсоналистичнѣй, въ ученіи Штейнера не имѣетъ того значенія, которое нѣрѣдко этому учению придается его сторонниками, видящими здѣсь разгадку индивидуальной судьбы въ кармѣ, а съ другой стороны, путь очищенія индивидуальной души чрезъ перевоплощеніе въ разныя тѣла. Конечно, это примѣненіе можетъ быть попутно сдѣлано и здѣсь, однако центръ тяжести лежитъ тутъ не въ микрокосмѣ, но въ макрокосмѣ, и, что самое важное, то ж.е.с.т.в. а-личности въ перевоплощеніяхъ вообще не существуетъ, поскольку не существуетъ и самой личности, но лишь эволюционирующая, измѣняющаяся, нарастающая Wesenheit. Поэтому даже о перевоплощеніи sensu stricto здѣсь рѣчи быть и не можетъ, и то, что называется «первоплощеніемъ», есть въ сущности безличная эволюція. Проблема личности съ ея самоотожествомъ и непрерывностью, столь существенными для христіанства въ его ученіи о смерти и воскресеніи, здѣсь совсѣмъ не рассматривается, и ученье о безличной личности вообще представляетъ собой самый уязвимый пунктъ этой доктрины.

Эта же самая предпосылка примѣняется и къ истолкованію христіанскаго ученія. Очевидно, здѣсь нѣтъ

³⁾ Штейнеръ иногда говорилъ своимъ слушателямъ: когда вы были въ такомъ-то перевоплощеніи или когда будете въ одномъ изъ слѣдующихъ перевоплощеній. И хотя возможно, что почтенныя слушатели были польщены такимъ почетнымъ освѣдомленіемъ, но они не замѣчали, что имъ доказывалось лишь ихъ собственное личное несуществованіе. Это же примѣнимо и къ «Auf Wiedersehen» (конечно, въ будущихъ перевоплощеніяхъ), которое вообще неизвѣстно, къ кому можетъ относиться, хотя и можно сказать къ ч е м у.

мѣста личному Троичному Богу⁴⁾, и Второй вполости, сошедшей съ небесъ и воплотившейся отъ Духа Св. и Маріи Дѣвы. Логось — не Богъ, и Христось — не Богочеловѣкъ, но Онъ включается въ космическую эволюцію, какъ одинъ изъ ея моментовъ, для нашей эпохи имѣющей рѣшающее значеніе. Эволюція міра и человѣка совершается въ рядѣ переходовъ планетарныхъ состояній (Сатурна, Солнца, Луны, Земли, а далѣе — Юпитера, Урана, Венеры). Этимъ планетарнымъ состояніямъ соответствуютъ отлагающіяся въ человѣкѣ «тѣла»: физическое, эфирное, астральное, я (а далѣе идутъ Manas, Buddhi, Atman), которыми соотвѣтствуютъ духовныя «сущности» въ іерархій міра. Одной изъ такихъ сущностей является и Христось или — Логось, который есть Солнечный Духъ. Солнце для оккультнаго воспріятія подъ своей вѣншей свѣтовой оболочкой содержитъ эту «духовную сущность»⁵⁾. Ближайшимъ образомъ этотъ Логось опредѣляется такъ. На лунѣ въ пору ея полной зрѣлости обитало 7 духовныхъ сущностей, изливавшихъ любовь. При переходѣ луннаго состоянія въ солнечною любовь изъ этихъ духовъ, Ягве-Іегова, остался на лунѣ, а шесть перешли на солнце, эти шесть элогимовъ и суть Логось⁶⁾. Въ томъ, что мы назыв-

⁴⁾ Обычная въ такихъ случаяхъ игра словъ относительно основныхъ понятій христіанства въ ученіи о Св. Троицѣ здѣсь достигаетъ предѣла. Оказывается, что и здѣсь есть своя троица, именно въ послѣдовательной іерархій духовно-природныхъ сущностей: троица «являетъ себя надъ серафимами, какъ высочайшая сущность, какъ ихъ Манасъ, Будхи и Атма» (Духовныя существа, лек. 5, стр. 8). Другими словами, троица включается въ общую іерархическую систему космоса, какъ опредѣленная ея ступень.

⁵⁾ «Какъ ваше тѣло относится къ душѣ, такъ и солнечный лучъ относится къ Логосу. Въ солнечною свѣтѣ къ землѣ притягиваетъ духовное» (Ioh. 57).

⁶⁾ «Луна есть символъ Ягве или Іеговы, а солнце ничто иное какъ символъ Логоса, который есть сумма другихъ 6 элогимовъ» (Ioh. 61).

вазмъ «боговолпощеніемъ», совершилось то, что эти шесть элогимовъ или Логосъ (?) сдѣлался земнымъ существомъ, принявъ человѣческое тѣло «Christus-Jesus» и ставъ уже духомъ земли. «Die Christus Wesenheit есть та сущность, которую мы должны назвать вождемъ тѣхъ духовныхъ сущностей, которая тогда, когда солнце отдѣлилось отъ земли, вышла изъ земли вмѣстѣ съ солнцемъ и основала для себя высшее поприще (Schauplatz), чтобы съ этого солнца — также извнѣ внутрь — дѣйствовать на землю... Вождь (Der Fuehrer) всѣхъ другихъ сущностей, которые посылали свои благодѣтельные дѣйствія съ солнца на землю, есть то существо, которое позднѣе было названо «Christus». Такимъ образомъ въ дохристіанскія времена надо было искать его не на землѣ, но на солнцѣ» (Лук., 174-5). Эта сущность есть то, что Заратустра называетъ Ahura Mazda (1b). Это даетъ новый импульсъ, «Christus Impuls» мировой эволюціи, есть Christus-Ereignis, именно Gatha-Ereignis. Космическое значенія событія Голгофы, свяванное съ изліяніемъ крови Христовой, состоитъ въ томъ, что въ связи съ этимъ измѣнилась вся аура земли, эфирное ея и астральное тѣло, словомъ, alle geistigen (!) Verhältnisse der Erde (Ioh. 148), «сила, импульсъ, который ранѣе могъ иливаться на землю отъ солнца лишь въ свѣтъ, началъ соединяться съ землей» (147), «Христосъ самъ излился въ существо земли» (260). «Der Christus ist der Geist der Erde und die Erde sein Leib» (161, 151). Въ человѣческой эволюціи воплощеніе Логоса означаетъ возпріятіе принципа я, Ich bin, который въ эпоху земли привходитъ къ тройному доселе составу человѣка изъ физическаго, эфирнаго и астральнаго тѣлъ. «Christus war derjenige, der den Impuls giebt, dass die Menschen alle-

⁷⁾ Съ обычной для антропософіи игрой словъ и понятий оазывается, что «Sonnenlogos» есть и Святой Духъ, вселившійся въ человѣка, «das Welken-Ich», «das kosmischen Ich» (Ioh. 258, ср. 250). Въ другомъ контекстѣ Духъ Св. оазывается отцомъ «Христа Исуса» (205).

jeder als einzelnes Wesen empfinden koennen das Ich Bin» (Ioh. 61). «Christus ist die Kraft, die Menschen zu diesem freien Ich-bin Bewusstsein gebracht hat» (65). «Голгоеское событіе» и «Христовъ импульсъ» возбуждаютъ въ человѣкѣ яинность, личное самосознаніе⁸⁾. Этотъ принципъ я какъ изначально духовный, долженъ распространить свое вліяніе: до сихъ поръ оно сосредоточено въ одной точкѣ, но «мы все превращаемъ въ я во внутреннее переживаніе» (Марк. 28, 32). «Теперь приноситъ Христосъ въ міръ я, которое проникаетъ человѣческое физическое тѣло, эфирное и астральное такъ, что оно будетъ оказывать дѣйствіе, могущее вліять на всю организацію тѣлесности» (Лук. 211-12). «Посмотрите на наше будущее: теперь ваще я, насколько оно себя развило, еще слабо, оно имѣетъ еще мало господства. Но оно постепенно станетъ господствовать надъ астральнымъ, эфирнымъ и физическимъ тѣломъ и будетъ ихъ преобразовывать. Претъ вами поставленъ великій идеаль-Хриета, который указываетъ челоѣчеству, какова можетъ быть власть я надъ астральнымъ, эфирнымъ и физическимъ тѣломъ» (218) (оба сужденія влагаются Штейнеромъ въ уста евангелиста Луки) (Ср. Joh. 33 fg. о постепенномъ преобразованіи тѣль чрезъ я — въ результатъ чего получается Manas-Geistseibst; Buddhi-Lebensegeist и Atman-Geistesmenschen). Сущность же этого воздѣйствія есть любовь. «То, что челоѣкъ дѣйствительно можетъ дать землѣ, это есть любовь, которая развивается отъ чувственаго образа къ олухотворенному⁹⁾. Это есть задача развитія земли. Земля есть кос-

⁸⁾ На основаніи ветхозавѣтнаго имени Божія Ягве — Ich bin далее устанавливается известное отождествленіе между этимъ 7-мъ элогимомъ и тѣмъ же принципомъ, воплощенномъ въ Христѣ (143), и «настоящій Духъ Бога» въ древности есть никто иной какъ Христосъ (196) (въ связи съ этимъ разъясняется христіанское различіе Отца, Сына и Св. Духа, какъ недоразумѣніе).

⁹⁾ — «То, что произошло на Голгоѣ, не является проозрачнымъ для химика. Если кто-либо подвергнуть бы химиче-

мость любви» (53). Этому я приписывается вѣчность (хотя совѣсьмъ неясно, что можно разумѣть на антропософическомъ языкѣ, при абсолютизаціи времени, какъ принципа эволюціи, подъ вѣчностью: не все ли здѣсь равно временно или равно вѣчно?) Въ уста Христа, какъ космическаго я вкладываются такая слова: «когда я говорю объ я, то я говорю о вѣчномъ я въ челоуѣкъ, которое едино съ духовной первоосновой міра. Когда я говорю объ этомъ я, говорю о чемъ то самомъ внутреннемъ въ челоуѣческой душѣ. Каждый долженъ Бога, котораго я возвѣщаю, найти въ себѣ какъ свое вѣчное основаніе» (Joh. 120). Здѣсь еще разъ устанавливается пантеистическій принципъ тождества Бога и міра въ челоуѣкъ.

Что было бы, если бы Христосъ не пришелъ на землю? Это имѣло бы слѣдующія послѣдствія: «челоуѣческое развитіе въ такомъ случаѣ зашло бы такъ далеко, что я вполне вышло бы (herausgekommen waere). Но въ той же мѣрѣ, какъ я вполне вышло бы, всѣ прежнія выдающіяся способности астральнаго, эфирнаго и физическаго тѣла исчезли бы; все древнее ясновидѣніе, вся древняя власть души и духа надъ тѣломъ вполне исчезла бы, ибо это было необходимою для развитія. Челоуѣкъ сталъ бы самостоятельнымъ я, которое все больше вело бы челоуѣка къ эгоизму, которое все болѣе вело бы землю къ тому, чтобы любовь вымерла, исчезла бы съ лица земли. Люди стали бы я (Iche), но вполне эгоистическими я. Челоуѣчество созрѣло бы къ развитію я, но я было бы пустымъ я,

скому изслѣдованію кровь, изливающаяся на Голгоѣ, то онъ нецелъ бы ее тождественной съ тѣми веществами, которые онъ могъ бы найти въ крови другихъ людей. Но кто изслѣдуетъ эту кровь методомъ оккультнаго изслѣдованія, тотъ найдетъ, что это есть дѣйствительно другая кровь... Безъ крови я я люблю в примѣнаніи къ крови, которая пролита на Голгоѣ, и оккультный изслѣдователь находитъ эту безконечную любовь, какъ она совершенно проникаетъ собой кровь на Голгоѣ» (Luk. 271-2).

которое думало бы лишь о себѣ и ничего не хотѣло бы думать или дѣлать для другихъ людей и для міра. Этому я дать содержаніе, это я постепенно направитъ къ такому развитію, чтобы оно изъ себя источало такую силу, которую мы называемъ любовью, — таково было дѣло Христово на землѣ. Я было бы безъ Христа какъ пустой сосудъ, но какъ постепенно наполняющийся любовью сосудъ предстоитъ я благодаря явленію Христа» (Luk. 226). Таково значеніе Christus-Impuls и Golgatha Ereigniss въ космической и челоуѣческой эволюціи; аура земли и челоуѣка стала иной. Очевидно, что въ этой схемѣ напрасно было бы искать христіанскаго ученія о боговоплощеніи, искуплени, о грѣхѣ и спасеніи отъ грѣха и вообще сармакъ священныхъ и дорогихъ христіанскому сердцу вѣрованій, связанныхъ съ воплощеніемъ Слова.

Обратимся теперь къ земной исторіи «Христа Іисуса», какъ она излагается Штейнеромъ въ его курсахъ объ челоуѣчѣхъ Евангеліяхъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ. Прежде всего, надо установить, что первыми и послѣдними историчкомъ познанія объ этомъ являются не Евангелія, но свержъ-евангеліе, «пятое евангеліе», основанное на чтеніи въ Акашъ-Хроникѣ. Евангелія лишь расцѣниваются и провѣряются на основаніи этого высшаго и послѣднѣяго источника и сами по себѣ совѣсьмъ не являются необходимыми и незамѣнимыми. Многократно повторяется мысль, что «fuer die Geisteswissenschaft nicht im eigentlichen Sinne die Evangelien Quellen der Erkenntniss sind. Dadurch, dass irgend etwas in den Evangelien steht, wuerde es fuer denjenigen, der streng auf dem Boden der Geisteswissenschaft steht, durchaus noch nicht eine Wahrheit sein. Die Geisteswissenschaft schoepft nicht aus den geschriebenen Urkunden, sondern... aus dem, was die geistwissenschaftliche Forschung selbst zu seiner Zeit giebt» (Luk. 14, op.) 16 (10).

Тоже было бы сказано, если бы о событіяхъ въ Палестинѣ не было бы никакаго историческаго источника. Ибо въ

Поэтому съ точки зрѣнія духовнаго изслѣдованія вполне возможно в о с п л н е е евангельскихъ источниковъ новыми свѣдѣнiями о земной жизни Христа, — и мы увидимъ, сколь въ широкомъ масштабѣ это дѣлается, — вмѣстѣ съ разъясненiемъ сокровеннаго смысла Евангелiй. Именно они оказываются «книгами посвященiй», Иоансиащихся къ разнымъ ихъ образамъ. Въ частности, Иоанново Евангелие принадлежитъ посвященному, имѣющему «inspirierte-intuitive Erkenntniss des Christus-Ereignisses, которому мало свойственны образы имагинации; остальные евангелисты суть ясновидящiе» (Luk. 12, 15) (примечъ Ме. преимущественно въ области зфирнаго тѣла, Лк. — астрального). Евангелiя были даны человѣчеству въ извѣстномъ смыслѣ слишкомъ рано (verfrueht) и лишь теперь начинается (конечно въ антропософи ¹⁾ ихъ истинное пониманiе (Luk. 246), въ частности и въ от-

глубочайшемъ основанiи руководимымъ о Christusvorgänge для насъ является не то, что находится въ томъ или другомъ источникѣ, но что въ вѣнчѣмъ (in der ewigen), внутреннемъ, духовномъ источникѣ Акаши-Хроникъ» (Mag. 2). Отношенiе къ Евангелiямъ и другимъ новозавѣтнымъ источникамъ опредѣляется тѣмъ, что даетъ сравненiе установленнаго черезъ «духовное изслѣдованiе» съ этими источниками, причемъ лишь на основанiи такой проверки или сравненiя устанавливается unsere Hochschaezung этихъ послѣднихъ (Ibid.). На этомъ основанiи слѣдуетъ сказать, что если бы какой либо изъ «религиозныхъ источниковъ и оказался потеряннымъ, это могло бы быть восполнено при наличiи имѣющихся теперь способностей проникновенiя въ тайны бытiя». «Und die Geisteswissenschaft muss durchaus auf diese, von allen Urkunden unabhängige Erkenntnisquellen bauen» (Joh. 2, ср. Luk. 19).

¹⁾ «Ибо сила, чтобы мочь интерпретировать Евангелiя, возрастаетъ единственно и исключительно на почвѣ духовной науки» (Luk. 228). Тоже самое говорится и о Библии вообще: «прежде всего духовно-научное мировоззрѣнiе должно повести къ тому, чтобы снова дать миру библейскiе источники, какъ о н и с у т ь». Ибо теперь миръ не имѣетъ Библии» (231).

ношенiи къ тому, что не было прямо высказано въ Евангелiяхъ, именно въ учени о кармѣ и реинкарнаци.

Земная жизнь Христа, соответственно универсальному принципу эволюци и реинкарнаци, также включаетъ въ себя рядъ перевоплощенiй. Если согласно воинствующему религиозному синкретизму теософи всѣ религи согласны между собою, и въ этомъ смыслѣ нѣтъ различiя между христіанствомъ и нехристіанскими религиами, между Христомъ и другими «учителями», то въ антропософи самъ «Христосъ Иисусъ» есть сложное существо, соединяющее въ себя, путемъ перевоплощенiй и воплощенiй, Будду, Зороастра, и Солнечнаго Духа, именн о, ему свойственно астральное тѣло Будды, эфирное тѣло Зороастра, также и я послѣднiяго, которое смѣнялось, наконецъ, солнечнымъ логосомъ «агура мазао». Для изъясненiя возникновенiя этого сложнаго существа евангельскiя повѣствованiя восполняются, конечно, доброй долей Акаши-хроникъ. Извѣстно, что между генеалогiями Иисуса по Ев. Луки и Ев. Ме. существуетъ разница, поставляющая немало затрудненiй экзегетамъ, но никогда не влекшая за собой какихъ либо догматическихъ трудностей. Разниче это въ томъ, что одна генеалогiя ведется отъ Давида къ Соломону и далѣе (Ме. 1, 6), вторая же отъ Давида къ Наеану (Лк. 3, 31). Этой для Штейнера достаточно, чтобы, конечно, на основанiи Акаши-хроникъ, утверждать, что былъ не одинъ, а два младенца Иисуса, одинъ изъ Соломонова, царскаго рода, родившiйся въ Вилеемѣ Иудейскомъ, а другой изъ Наеанова, первосвященническаго рода, въ Назаретѣ. Также былъ не одинъ Иосифъ и Марiя, ихъ плотскiе родители, но два Иосифа и двѣ Марiи, отъ каждой изъ этихъ паръ родилось по младенцу Иисусу, причемъ у Наеановской Марiи были другiя дѣти («братья Иисуса» и три сестры), у Соломоновской же Иисусъ остался единственнѣмъ. Хотя они были и современниками, но въ восполненiе Евангелiй сообщается, что между обоими младенцами была небольшая разница

возраста, именно Наеановский Иисус родился на несколько месяцев позже Соломоновскаго (а соответственно и Иоаннъ Предтеча), почему онъ и не подвергся избіенію Иродовому, которое было ранѣе его рожденія, но отъ котораго спасался бѣгствомъ въ Египетъ младенцемъ лѣтъ Соломоновской (Luc. 118, 119). Эти «двѣ личности» приготавлиютъ Иисуса: физическое и эфирное тѣло у Мѣ. Иисуса, астральное и я у Лк. Иисуса» (Math. 112). Надо прослѣдить въ отдаленности судьбы каждаго изъ двухъ младенцевъ, составляющихъ Иисуса (Luc. 24). Наеановскій младенецъ описывается въ Ев. Луки, причѣмъ послѣднее вообще, по Штейнеру, отмѣчено буднично: es ist Jud-hausstromeit» (Luc. 59).

Существуютъ посвященные учителя, Bodhisatwas, которые имѣютъ оплѣдѣленную задачу. Когда она ими исполняется, то эти посвященные уже не вступаютъ въ «физическій планъ», не нуждаются въ воплощеніи для продолженія своего дѣла. Будда былъ именно такимъ Bodhisatwa, который въ образѣ Будды завершилъ — до времени — свои перевоплощенія (38-9, 41, 55, 84) и существуетъ лишь въ высшихъ планахъ. Эта высшая, астральная тѣлесность Будды называется Nitnapaka (12). Тѣ «не-

¹²⁾ Дальнѣйшее повѣствованіе о бохисатвахъ включаетъ въ себя еще слѣдующія черты. Когда Бохисатва становится Буддой, на его мѣсто вступаетъ его замѣститель, который будетъ заниматься это «Ампъ» еще 2500 лѣтъ, постѣ чего онъ будетъ возвышенъ, какъ и первый Будда (Mih. 100). Вообще существуетъ «коллегія бохисатвъ» съ живымъ источникомъ ихъ ученія, который «естъ ничто иное какъ то, что мы по своему словоупотребленію называемъ «Христосъ» (101). Итакъ, указаннѣй Бохисатва имѣлъ особую задачу руководить движеніемъ терапевтовъ или ессеевъ. Онъ послалъ для руководства ессеямъ (ок. 125-77 г. до Р. Х.) особую личность, это именно Иисуса бен-Пандиру, имя извѣстное по талмудическимъ кощунствамъ противъ Христа. Ученіе ессеевъ приурочивается къ 42 ступенямъ родословной Ев. Мѣ., на ихъ значеніе предварительно указалъ ессеямъ злотъ Иисусъ бен-Панди-

беснѣя войнства», которые явились пастухамъ при Рождествѣ Христовѣ, были въ дѣйствительности явленіе злото Nitnapaka Будды. Черезъ Акашу-хронику «мы смо-тримъ и видимъ изначала надъ младенцемъ сіяніе славы, и знаемъ, что въ этомъ образѣ выражается сила Bodhisatva, который былъ нѣкогда Будда», онъ же теперь осялѣя Билеемское дитя» (56) (13). Когда Наеановскій Иисусъ на 12 году сбросилъ, по общему оккультному закону развитія, свою астральную материнскую оболочку, она не подверглась обычному разложенію въ астральной сферѣ, но была воспринята Nitnapaka Будды, который черезъ это обмолодился и освободился отъ старчества, бѣдшаго въ результатѣ долгихъ предыдущихъ перевоплощеній. Этогъ Nitnapaka воплотился еще разъ въ Будду черезъ 3000 лѣтъ. Его вліяніе въ Наеановскомъ Иисусѣ проявлялось какъ дѣтская простота (87, 91). Это дитя и должно было быть удержано въ состояніи этой простоты и относительной отсталости, въ отступленіе отъ общей нормы, что недоступно для человѣка, но «die Coeffer koennen es» (95). Но что же представляло собой собственное я злото наеановскаго, осѣнненнаго Буддой, младенца? Его «про-

ра (Mih. 108-9). Онъ имѣлъ 5 учениковъ, предѣлавшихъ внутренно эти ступени, они назывались Netzer, имѣвшихъ колонию въ Netzereth-Nazareth (Mih. 131-2), одинъ изъ этихъ учениковъ есть Mathai, авторъ Ев. Мѣ.

¹³⁾ Симеонъ Богопріимецъ, соотвѣственно этому является перевоплощеніемъ мудреца Асита, который еще во дворѣ видѣлъ Будду и пророчествовалъ о немъ (57). Проповѣдь Иоанна Крестителя также была подѣ «инспираціей» Будды (157). Объ Иоаннѣ Крестителѣ въ отношеніи къ Иисусу соображаетъ еще болѣе занимательная вещь: «великая материнская лона» устроена такъ, что въ Иоаннѣ жила душа безъ собственного развитія я: «то, что живетъ какъ Seelewesen въ Ев. Лк. въ Иисусѣ и Иоаннѣ Крестителѣ, находится въ началѣ въ тѣснѣйшей связи. Поэтому при пофѣщеніи Маріей Елизаветы я Иисуса дѣйствуетъ въ Иоаннѣ, какъ собственное я послѣдняго, который воспретаетъ во время: es ist das Ich, welches das Kind in der anderen Mutter angeregt wird» (Lk. 133).

визорное я» (109) было я первого Адама. Что это значит? Сложное объяснение, которое дается по этому поводу, указывает прежде всего, что в лемурийскую эпоху отделилась луна от земли было очень трудно лущамъ воплощаться въ слишкомъ плотную земную оболочку, онъ вошлѣщались на другихъ планетахъ, и въ слѣдствіе этого земля опустѣла. Была единственная человѣческая пара, которая всетаки смогла воплотиться на землѣ: то были Адамъ и Ева, «посвященные въ солнечномъ оракулѣ» (103-4). Въ Иосифа и Марію вошла эта сила изъ этой материнской любви человечества, которую руководить великій солнечный посвященный Ману. Физическое тѣло Адама и Евы было ими воспринято безъ уменія, но эфирное тѣло было нѣсколько умалено, что соответствуетъ сказанію о вкушеніи отъ древа познанія добра и зла и отлученія отъ древа жизни. Лишь оставшаяся «невинная часть» Адама была сохранена въ великой материнской ложѣ человечества и въ первые годы наановскій младенецъ Іисусъ имѣлъ силу изначального отца земного человечества, сохранившуюся въ дѣтской свѣжести и не прошедшую черезъ рядъ воплощеній (109). Это есть «первоплотное первого члена человечества» (111).

Такое это первое дитя, живущее въ Виелеемѣ въ состояніи особой дѣтскости (266-7) до 12-лѣтняго возраста. Второе, Соломоновское, дитя жило въ Назаретѣ. Въ него перевоплотилась индивидуальность (Ichheit) Заратустры (115). Заратустра былъ древній посвященный, научившій черезъ внѣшнее свѣтовое тѣло солнца прозирать и почитать духовное его существо, Ahura Mazda. «Одно изъ послѣдующихъ воплощеній Заратустры есть Іисусъ изъ Назарета» (Math. 24). Заратустра имѣлъ двухъ учениковъ, египетскаго Гермеса и іудейскаго Моисея, которымъ онъ пожертвовалъ часть своей сущности, имен-но Гермесу — астральное тѣло (внѣшнее знаніе міра), Моисею — эфирное (развитіе во времени) (Lk. 125, Math. 32-3). Собственное же я Заратустры перевоплотилось

въ другихъ индивидуальностяхъ: Zarathas, во время Вавилонскаго плѣненія, учитель Пиеагора за 600 л. до Р. X., и Іисуса, который есть «первоплотившійся Заратустра» (Lk. 129). Съ фактомъ перевоплощенія я Заратустры въ Соломоновскомъ Іисусѣ связано и бѣгство въ Египетъ, но тамъ находились силы, которые влились въ его астральное и эфирное тѣло. Онѣ были отданы Заратустрой Гермесу и Моисею, но ихъ нужно было снова впитать, чтобы въ обмолженной (verjuepelt) формѣ опять отдалъ человечеству (Lk. 128-9). Поклонение волхвовъ Заратустрѣ, которые видѣли въ немъ «звѣзду человечества», отблескъ самого солнца, привело ихъ въ Виелеемъ, чтобы принести дары: золото, какъ символъ мышленія, ливанъ — какъ символъ благочестія, проникающаго чувство, и мирру, какъ силу воли (Lk. 126-7, Mth. 128). «Это была сущность (Wesenheit) самого учителя, который, какъ «звѣзда» привелъ волхвовъ къ мѣсту рожденія Іисуса Ев. Мѣ» (Mth. 128). Черезъ рядъ послѣдовательныхъ 42 ступеней въ генеалогіи Заратустра-Іисусъ воспринялъ всѣ тѣ способности, которыя можно развить чрезъ употребленіе инструментовъ физическаго и эфирнаго тѣла.

Такимъ образомъ, одновременно жили два младенца Іисуса, изъ которыхъ въ первомъ (Мѣ.) подготавливается физическое и эфирное тѣло, а въ другомъ астральное тѣло и я, но затѣмъ оба они становятся о д н и м ъ. Это произошло на 12 году чрезъ переселеніе личности Заратустры изъ Соломоновскаго Іисуса (Мѣ.) въ наановскаго (Дж.): «Долженъ былъ совершиться переходъ къ соединенію теченія Будды и Заратустры» (Lk. 155), и мудрость Заратустры соединилась съ задушевностью Будды. Это выхождение я Заратустры и вселеніе его въ наановскаго Іисуса совершилось на 12 году и оно внѣшне отмѣнено поповѣью 12-лѣтняго отрока во храмѣ, когда сами родители не узнавали его въ проявленіи этой силы и мудрости, — не узнавали, потому что онъ подлинно сталъ инымъ. Соломоновскій же Іисусъ, который раѣе достигъ высокой

и рѣдкой мудрости, лишившись своего я, не могъ уже дѣлѣ развиваться и обреченъ былъ на скорую смерть. Въ это же время умерла мать наеановскаго Иисуса, одна изъ Марій, и съ собою унесла въ высшія сферы то, что имѣло вѣчную цѣнность, именно экстрактъ изъ эфирнаго тѣла (14) Соломоновскаго Иисуса (15). Иосифъ, отецъ Соломоновскаго младенца, также умеръ. Мать Соломоновскаго младенца переселилась къ Иосифу, овдовѣвшему отцу Наеановскаго младенца, въ котораго вселилось я Заратустры — изъ Соломоновскаго младенца, со всѣми своими остальными дѣтьми, и такимъ путемъ образовалось сводное и сложное семейство. Иосифъ, отецъ Наеановскаго младенца скоро умеръ (16), и «Иисусъ изъ Назарета»

14) Этимъ еще не исчерпывается вся исторія. Та сущность, которая жила въ тѣлѣ Соломоновскаго Иисуса до 12-лѣтняго возраста, влилась въ душу мачехи (или воспитательницы наеановскаго Иисуса), такъ что теперь эта Steifmutter жила съ душой тѣлесной матери наеановскаго младенца Иисуса (Goig. Myst.). Въ этой пляскѣ перевоплощеній и совоплощеній не легко разобраться.

15) Дѣльнѣйшая исторія этого тѣла такова. Когда я Заратустры оставило тѣло Иисуса Наеановскаго въ крещеніи, то установилось естественное сродство между этимъ я и тѣмъ эфирнымъ тѣломъ, въ которомъ это я жило до 12-лѣтняго возраста Соломоновскаго Иисуса. Не имѣя нужды вслѣдствіе высокаго развитія своей личности въ прохожденіи чрезъ «Devachan», я Заратустры, пользуясь этимъ эфирнымъ тѣломъ, могло снова воплощаться, повторяя это и будучи великимъ помощникомъ человечеству. Это есть «Meister Jesus», который снова и снова понижается, будучи вдохновителемъ живого и, конечно, «эзотерическаго» христіанства (Luc. 172). Загадочная картинка: кто это?

16) При всѣхъ этихъ воплощеніяхъ получается сложное родство: о какомъ собственно отцѣ «Иисуса изъ Назарета», представляющаго собой комбинацію двухъ Иисусовъ, можно говорить? Штейнеръ говоритъ по этому поводу, что когда умеръ отецъ Наеановскаго Иисуса, въ которомъ жило уже я Соломоновскаго Иисуса (Заратустры), то «Иисусъ изъ Назарета» оказался ein Weisenkind (Luc. 138), и этотъ Наеановскій Иосифъ былъ «мнимый» для него отецъ.

остался сиротой, живя съ матерію этого Соломоновскаго младенца и ея дѣтьми («братьями и сестрами» Иисуса). Я Заратустры оставалось въ «Иисусѣ изъ Назарета» до 30-го года жизни, до крещенія его у Иоанна. Тогда это я оставило его оболочку (17) и въ него вселилась «Christus-Wesenheit». Во время крещенія «его эфирное тѣло было извлечено и въ него сошла и погрузилась та высокая сущность, которую мы зовемъ Христова сущность» (Lk. 174), онъ сталъ «сынъ неба, Христость» (ib.). Оплодотворяющимъ было «die einheitliche Gottheit, die durch die Welt webt, а приемлющимъ тѣло и вся организация Наеановскаго Иисуса» (ib.). Это та сущность, которую Заратустра называлъ Ahura Mazdao (Vishva Karman семи Rischis). Такимъ образомъ возникъ и получился Христость (18).

17) Въ лѣтнихъ «Das Mysterium von Golgatha», которая особенно изобилуютъ конкретными воспоминаніями Евангелій изъ Акаши-Хроники (напр., совершенно невыносимые по безвкусоности и бездарности рассказы о встрѣчахъ и разговорахъ Христа по дорогѣ къ Иоанну съ разными лицами), сообщается, что вслѣдствіе исчезновенія въ Немъ Selbst, я Заратустры его оставило, и онъ остался состоящимъ изъ трехъ оболочекъ, и въ такомъ видѣ онъ пришелъ къ Иоанну Крестителю, руководимый чувствомъ истины, имъ свойственной.

18) Ближе это воплощеніе описывается такъ: «когда Иисусъ изъ Назарета былъ 30 лѣтъ, благодаря тому, что онъ нажилъ въ своей тогдашней инкарнаціи, онъ продвинулся столь далеко, что онъ могъ совершить процессъ, возможный лишь въ исключительныхъ случаяхъ... Когда человекъ стоить на известной высотѣ духовнаго развитія, ему возможно въ определенный пунктъ времени удалитъ свое я изъ трехъ тѣлъ (физическаго, эфирнаго и астральнаго), и оставить ихъ въ цѣлости (intakt) какъ совершенно эфировыя тѣла. Это я уходитъ тогда въ духовный міръ, а три тѣла остаются... какъ голыя еще орудія для высшей сущности, которая вступаетъ во владѣніе ими. На 30-мъ году жизни Иисуса изъ Назарета вступаетъ во владѣніе его физическимъ, эфирнымъ и астральнымъ тѣломъ та сущность, которую мы называемъ Христость. Эта Христова сущность не могла бы воплотиться въ обыкновенномъ дѣтскомъ тѣлѣ, но лишь въ тѣлѣ, которое къ тому подготовлено высокоразвитымъ я. Ибо эта Христова

Слѣдовательно, нужно различать «Исуса изъ Назарета» и «Христа Исуса», Христа *ex* Исусъ изъ Назарета (Joh. 254). Содержание самихъ Евангелій, проповѣдь Христа и Его дѣло, въ цѣломъ не составляютъ предмета Штейнеровскихъ толкованій, которые останавливаются лишь на отдѣльныхъ частностяхъ, въ томъ или иномъ отношеніи привлекающихъ вниманіе окультиста. Обычно, онъ истолковываются, конечно, помощью общихъ принциповъ эволюціи¹⁹⁾. Однако, центральное значеніе имѣетъ не служеніе Христово (конечно, для первосвященническаго Его служенія и искупительной жертвы въ этой концепціи мѣста не находится), но самый фактъ инкарнаціи Christus-Wesenheit, завершающийся тѣмъ, что здѣсь зовется «Col-gatha-Ereigniss», «das Mystertum von G.», въ которомъ осуществила себя космическая сила «Christus-Jesus». Что обозначаетъ собою это «событіе», а въ частности, изліяніе крови? Въ двухъ словахъ это можно выразить такъ: это есть основной опредѣляющій фактъ въ космической эволюціи прежде еще никогда не воплощалась въ физическомъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, съ 30-го года мы имѣемъ дѣло уже со Христомъ въ Исусѣ изъ Назарета». Естественно, что *in* masculata conceptio, безъсмысленное значеніе отъ Дѣвы Маріи, этой концепціей совершенно устраняется, «das ist nicht», ибо плотскій отецъ былъ Иосифъ (256). Другое толкованіе ср. Mth. 89-91.

¹⁹⁾ Приведемъ нѣсколько примѣровъ: толкованіе заповѣдей блаженства (Math., лекціи VIII-IX); толкованіе о тѣлѣ дѣлныхъ текстовъ: «былъ въ пустынь» (Mg. 67-9), «Боже Мой, всѣмъ оставилъ Меня» (Mth. 297); Иоаннъ Препетча, крестящій въ водѣ — посвященіе Водолея (71), почему апостолы — рыбаки въ слѣдующемъ высшемъ посвященіи Рыбъ; толкованіе текста о предаціи Сына Человѣческаго въ руки грѣшниковъ (Lk., 9, 44-5), какъ относящееся къ изліянію силы *я* въ человѣческую жизнь (Lk. 265), слова Христа о Ц. Б., принадлежащемъ дѣтямъ, какъ о соединеніи силы Христа съ лучшей частью человечества (267); прямо невѣрные переводы и тексты (Joh. 196, Mg. 67-9). Преображеніе (Lk. 264-5) есть восхожденіе въ духовный міръ, рождъ посвященія, восхожденіе въ Деваханъ (Mth. 229-30). Разныя перевоплощеніе

люди (²⁰⁾), осуществляющій собой древнія посвященія. Der Vorgang auf der Colgatha есть превращеніе въ исторію, вынесенное на передній планъ міровой исторіи древнее посвященіе» (Lk. 270). Въ міръ вошла новая космическая сила, «Christus Impuls», дѣйствующій чрезъ тѣла Исуса изъ Назарета въ земной аурѣ и чрезъ то въ человѣческой жизни.

нн: царь Мельхиседекъ (Mth. 90) — великій посвященный въ мистеріи Солнца, времени Авраама, принявшій эфирное тѣло Сима, сына Ноя; пророкъ Илія имѣлъ духовную сущность, которая только частью воплотилась въ немъ, а другой частью принадлежала духовному міру, перевоплотилась въ Иоаннъ Препетчъ, слѣдствіемъ чего былъ установленъ переходъ между ученіями Будды и Заратустры (Lk. 153-6). Чудеса: воскрешеніе сына Наинской вдовы — посвященіе, которое осуществлено вполне лишь въ дальнѣйшемъ перевоплощеніи съ таинственнымъ намекомъ на это неназываемое лицо (Lk. 253); воскресеніе Лазаря есть новое посвященіе его самимъ Христомъ въ христианскую эзотерику, причѣмъ онъ и есть «любимый ученикъ», авторъ 4-го Евангелія (Joh. 72, сл.); Никодимъ, приходившій ночью, былъ внѣ физическаго тѣла (118), Павелъ — эзотерикъ школы Діонисія, сила вѣры — сила Христова (Lk. 238) и т. д., и т. д.

²⁰⁾ То, что совершилъ Христосъ Исусъ, можетъ быть описано такъ: онъ привлекъ чрезъ притяженіе своего особа приготовленнаго физическаго и эфирнаго тѣла, чрезъ всю свою сущность, силу солнца, луны и всего звѣзднаго міра, вообще космоса, принадлежащаго нашей землѣ; и чрезъ это его воздѣйствіе теперь дѣйствовало чрезъ его посредство то, что всегда (sonst) проникаетъ изъ космоса оздоровляющей силонодательной жизнью, когда онъ *ex* силъ находилъ *en* физическаго и эфирнаго тѣла. Силы, которые притягивали чрезъ Христа Исуса, были тѣ силы, которые притягивали изъ космоса притяженіемъ *ego* тѣла, и изъ его тѣла истекли и изливались на его учениковъ» (Mth. 223). «Christus Ereigniss имѣетъ то значеніе, что сама Христова сущность снизошла въ физическое и эфирное тѣло. Въ дѣйствіе этого физическое и эфирное тѣло Человѣческой сущности настолько освѣщено (?) этимъ сходящимъ Христовой сущности, въ развитіе Человѣчества вошелъ такой импульсъ, что каждый человекъ, того ищущій, свободнымъ образомъ можетъ пережить схождение въ физическое и эфирное тѣло» (Mth. 153).

Само собою разумеется, что в этой концепции просто идея мѣста тѣлесному воскресенію. «Christus Jesus подготавливаетъ свои́хъ учениковъ къ тому, чтобы они могли видѣть выходение внутренняго человѣческаго существа въ макрокосмъ чрезъ его смерть, но онъ не подводитъ ихъ къ воскресенію въ томъ тривиальномъ смыслѣ, какъ это часто понимается» (Mth. 295). Онъ видѣть былъ или такъ, какъ ап. Павломъ во видѣннн въ Дамаскѣ, т. е. на высшемъ планѣ: «физическое тѣло онъ отдалъ землѣ, но остался столь же дѣятеленъ на землѣ, какъ былъ и въ физическомъ тѣлѣ». «Солнечное слово, солнечная аура, о чемъ говорилъ Заратустра, какъ находимся внѣ земли, это чрезъ жизнь Христа Иисуса стало нѣчто такое, что связано съ землею, и останется связано» (296). Поэтому и ожиданіе Второго пришествія Христа на физическомъ планѣ (очевидно, какъ и всеобщаго воскресенія мертвыхъ) есть недоразумѣніе, ибо эволюція вообще ведетъ з. а. физическій планъ. «Это не было бы прогрессомъ, если бы Христосъ долженъ былъ бы являться второй разъ въ физическомъ тѣлѣ, ибо тогда онъ напрасно являлся бы въ первый разъ, тогда его первое явленіе было бы недостаточно, чтобы развить высшія силы въ челоѣчествѣ и... чтобы этими новыми силами онъ былъ бы видимъ, какъ онъ дѣйствуетъ изъ духовнаго міра» (Mth. 233). Въ связи съ этимъ загадочная картинка изъ области перевоплощеній: таинственно намекается на новое перевоплощеніе Иисуса бень-Пандиры, инспирированнаго великимъ богисатвой, которымъ нѣкогда станеть Маутгеа Будда. «Въ наше время онъ имѣеть важнѣйшую задачей указать на эфирнаго Христа, который имѣеть появиться въ эфирныхъ облакахъ. При этомъ подчеркивается, что (лишь) о д н а ж д ы Christus Ereigniss совершилось въ физическомъ тѣлѣ» (Mth. 324). Этого Иисусъ бень-Пандира укажетъ именно на то, что Христосъ не можетъ явиться на физическомъ планѣ, но «явится въ эфирной одеждѣ, какъ его видѣлъ Павелъ предъ Дамаскомъ». «И по тому именно можетъ быть опознанъ

револютивннйся Иисусъ бень-Пандира» (ib.). Онъ, вдохновляемый этимъ богисатвой, инспирируетъ насъ такъ: «приближается время, когда Христосъ въ новой формѣ, въ эфирномъ тѣлѣ, будетъ благодатью для людей, которые разовьютъ новыя силы новою мудростью есеевъ въ такое время, когда новое пришествіе Христа въ эфирной одеждѣ оживляюще приблизится къ людямъ» (237), «полнѣ въ смыслѣ инспирирующаго богисатвы, который будеть Маутгеа Будда»²¹⁾.

Это видѣніе Христа на эфирномъ планѣ, за которымъ послѣдуютъ въ болѣе отдаленномъ будущемъ новыя видѣнія Христа въ другихъ образахъ (232), уже приблизилось: «мы живемъ навстрѣчу такому времени — это должно быть принято какъ сообщеніе (sic!) — когда высшія силы челоѣчества смогутъ видѣть Христа. И это произойдетъ еще до истеченія 20-го столѣтія (сказано въ лекціи, прочитанной въ Бернѣ 10 сентября 1910 года), такъ что небольшое число людей будутъ дѣйствительно Theodoren (?), т. е. фактически открывшіе глаза будутъ видѣть то событие, которое Павелъ видѣлъ передъ Дамаскомъ... Нѣкоторое число людей будутъ имѣть подобное Christus-Erlebnis и не будутъ нуждаться въ Евангеліяхъ и источникахъ, какъ и Павелъ не нуждался ни въ чемъ, чтобы знать Христа» (233). Ясно, что эти люди воспитываются и подготовляются въ антропософскомъ обществѣ, развивая ясновидѣніе «оккультными упражненіями» и проработывая свое сознание данными и выводами оккультнаго исследования, догматически воспринимаемыми отъ учителя, еще прежде нежели они могутъ ихъ воспринять и провѣрить собственнымъ переживаніемъ. «Движеніе духовной науки имѣеть задачей приготовить ту часть чело-

²¹⁾ Штейнеръ особенно подтверждаетъ аутентичность этого свѣдѣтельства въ заключеніи цикла объ Ев. Мс.: wir sprechen es mit den Formeln aus der Inspiration des Böhlsatva selber, wie die künftige Erscheinung des Christus sein wird (238).

вѣчества, которая даетъ себя приготовить, къ встрѣчѣ Христа на землѣ, таково всемірноисторическое значеніе духовной науки: подготовить челоуѣчество и открыть ему глаза, когда Христосъ снова явится въ шестую культурную эпоху». Въ этомъ смыслѣ духовная наука есть «исполненіе завѣщанія христіанства» (Joh. 265). Христіанство, «какъ духовное явленіе», еще не было понято, это совершится чрезъ «антропософское изслѣдованіе». Чрезъ это примѣненіе антропософіи къ христіанству исполняется всемірноисторическая необходимость подготовить третью эпоху въ христіанствѣ, такъ сказать его третью главу. Первая простирается до явленія Христа-Исуса и нѣсколько позже, вторая есть глубочайшее погруженіе челоуѣческаго духа въ матерію и матеріализація самого христіанства; третья глава должна быть духовное постиженіе христіанства чрезъ антропософское углубленіе» (Joh. 291) ²²⁾

Таково это 5-ое, неписанное, евангеліе отъ Штейнера. Но довольно. Мы терпѣливо внимали всему этому суесловію съ единственной цѣлью показать, какое огромное недоразумѣніе содержитъ мысль о соединимости христіанства и штейнеріанства, о которой добросовѣстно думаютъ нѣкоторые. Штейнеріанство не есть ни «углубленіе христіанства», за которое себя выдаетъ, ни даже ересь или особое теченіе въ христіанствѣ, — оно просто и чистое обшлаго съ христіанства. Самое это сближеніе или заведомая поддѣлка. Изъ ученія штейнеріанства съ ясностью вытекаетъ, что христіанство вообще доселе даже никогда не существовало, оно появляется только теперь въ антропософскихъ ложахъ, ибо почти два 1000-лѣтія церковнаго христіанства есть его сплошное невѣдѣніе и непониманіе. Даже самая сложная и запутанная гностиче-

²²⁾ Это углубленіе будетъ содѣйствовать углубленному пониманію и четвертаго Ев. (отсюда и первое знаніе въ Дорнахъ носило названіе Johannsbau, смѣнявшееся Goethepium).

скія построенія, о которыхъ сохранила намъ память исторія, далеки отъ этихъ оккультныхъ грезъ, одѣваемыхъ — насильственно и кощунственно — въ образы Евангелія, и по сравненію съ этимъ даже кощунства восточной теософіи съ ихъ Звѣздой Востока кажутся невинными благоглупостями въ сопоставленіи съ этой настоящей и поднѣмкой упорной доктриной. Не можетъ быть никакой рѣши о какомъ-либо соединеніи или синтезѣ между христіанствомъ и штейнеріанствомъ, можетъ быть только выборъ: или и-и-и, но не и-и-и. Попытки соединенія суть или недоразумѣніе и недомысліе, или же автогигнозъ и шарлатанство. Конечно, я отдаю всю справедливость искренности этихъ исканій и вообще хочу судить не о людяхъ, а объ идеяхъ. И далѣе, я признаю законность и умѣстность извѣстныхъ вопрошаній и исканій, направленныхъ въ сторону оккультизма. То, что я говорю, вообще относится не къ оккультизму въ широкомъ смыслѣ слова, который свойственъ и Церкви, хотя и въ значительной мѣрѣ утерянъ современными церковниками, но къ религіи и оккультизма, которую, каждая по своему, развиваетъ доктрина-западная и восточная, теософія и антропософія, штейнеріанство и «орденъ Звѣзды Востока». Изъ сказаннаго достаточно ясно, что въ штейнеріанствѣ нѣтъ мѣста ни одному изъ самыхъ дорогихъ сокровищъ вѣры христіанской: нѣтъ премірнаго Бога, во Св. Троицѣ сущаго, нѣтъ Небеснаго Отца и Св. Духа, нѣтъ Бога-Слова, воплотившагося и принявшаго челоуѣческое естество, нѣтъ сладчайшаго Господа Исуса (ибо какое отношеніе слова имѣетъ монструозное многосоставное существо Christus Jesus, состоящее изъ солнечнаго духа, Будды, Зороастра, двухъ младенцевъ и т. под.), нѣтъ Пресвятой Богородицы и безсмысленнаго зачатія (вмѣсто этого мы имѣемъ сказки о двухъ Маріяхъ и двухъ Іосифахъ), нѣтъ Евхаристіи и Голгоетской искупительной жертвы, нѣтъ Воскресенія Христа, Пятидесятницы, всеобщаго воскресенія мертвыхъ, нѣтъ индивидуальныхъ личностей, которыхъ

ждать воскресение, судъ, вѣчная жизнь (а есть вѣчный водоворотъ перевоплощеній), нѣтъ Евангелія и откровения (а есть Акаша-Хроника и разные «учителя»), нѣтъ святыхъ, нѣтъ Церкви, нѣтъ любви и вѣры (а есть дразнящій любопытство интеллектуальный, рационалистическій «гнозисъ»). До такой степени все различно, далеко и чуждо, что невольно встаетъ послѣдній вопросъ: къ чему это переряживание? Зачѣмъ одѣвать совершенно нехристианское мигеліе? Акаши излагать какъ продолженіе и истолкованіе четырехъ Евангелій Церкви? Къ чему этотъ синкретическій маскарадъ, и не лучше ли, подобно восточной теософіи, открыто отпасть отъ христианства? (22). Такая подделка заставляетъ вспомнить то, что сказано намъ именно о религиозныхъ подделкахъ: «тогда, если кто скажетъ вамъ: «вотъ здѣсь Христосъ» или «тамъ», — не вѣрьте, ибо встанутъ лжехристы и лжепророки и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ. Вотъ Я напередъ сказалъ вамъ. Итакъ, если скажутъ вамъ: «вотъ Онъ въ пустынѣ», — не выходите; «вотъ Онъ въ потаенныхъ комнатахъ», не вѣрьте» (Мѡ. 24, 23-26).

Остается послѣдній и въ сущности самый трудный вопросъ: что же представляетъ собой штейнеріанская доктрина? Я не чувствую себя призваннымъ произносить судъ надъ личностями и не имѣю никакихъ оснований сомнѣваться въ субъективной искренности и серьезности намѣреній самого Штейнера (хотя извѣстный отъѣнокъ объективнаго, такъ сказать, шарлатанизма неизбежно

22) Штейнеръ самъ говорить однажды: «могутъ и теперь многие сказать: ахъ, духовная наука есть нѣчто, что противорѣчитъ истинному христианству. Но это суть тѣ маленькіе папы (kleine Päbste), которые хотятъ рѣшать о томъ, чего не знаютъ» (Joh. 266). Въ данномъ случаѣ къ этимъ kleine Päbste относится все христианство безъ различія вѣроисповѣданій, кромѣ лишь прямыхъ послѣдователей Штейнера.

присущу ученію, въ которомъ совершается непрестанно приоткрытіе, полуоткрытіе, открытіе тайнъ и секретовъ въ атмосферѣ загадокъ и ребусовъ), но его ученіе не могу разсматривать иначе какъ систему заблужденій, приносящихъ на объективную значимость, а въ то же время, очевидно, имѣющихъ какую-то основу въ своеобразномъ духовномъ опытѣ. Для меня ясно, что и Штейнеръ съ нѣмецкой настойчивостью и послѣдовательностью построилъ «систему», въ ряду многихъ другихъ нѣмецкихъ системъ (24). При этомъ онъ остается владѣемъ какимъ то лестнымъ духомъ и становится жертвой трансцендентальныхъ иллюзій и своего собственного интеллектуальнаго воображенія, гипотезъ, конструкций, догадокъ, выдумокъ, которыхъ онъ уже перестаетъ различать, но одинаково относитъ къ «духовному знанію», совершенно теряя при этомъ критическую способность. Какія-то ближе не опредѣлимая и намъ неизвѣстная «окультурная» переживанія, которыхъ ему были, очевидно, свойственны, давали материалъ для построенія соответствующихъ теорій, которыхъ въ значительной мѣрѣ конструированы уже, такъ сказать, во второй инстаціи, такъ, какъ строятся разныя гипотезы и теоріи, съ той лишь разницей, что здѣсь отсутствуетъ всякая критика, и каждый домyselъ принимается за прямое откровеніе духовныхъ міровъ. Это отсутствие самокритики налагаетъ свою печать на все «творчество» Штейнера, многостороннее, но не талантливое, что особенно явно въ стилѣ его писаній, въ особеннсти въ его дидактическихъ «мистеріяхъ». Бываетъ, что душевнобольные, свихнувшіеся въ какомъ либо од-

24) Его собственная автобиографія подтверждаетъ это предположеніе, потому что значительную часть своей сознательной жизни Штейнеръ метался отъ одного течения къ другому, ища къ нему приспособиться и себя его приспособить, и встрѣча съ теософами и тайнствователями имѣла на него съ этой стороны можно разсматривать какъ одно изъ такихъ искушеній, хотя и послѣднее, опредѣляющее.

номъ пунктѣ, исходя именно изъ него, совершенно послѣдовательно, съ чрезвычайной настойчивостью развиваютъ цѣлую бредовую систему. Нѣкоторую аналогію такой бредовой системы приходится видѣть и въ доктринахъ Штейнера, причѣмъ эта аналогія идетъ и дальше: душевно-больные въ частностяхъ своихъ построеній проявляютъ иногда исключительную остроту мысли, ясность, почти гениальность («гениальность и помѣшательство»), при полномъ безуміи всего построенія. Подобный образъ и у Штейнера мы вовсе не должны и не можемъ отрицать возможности ясныхъ и живыхъ мыслей, какъ бы озаареній, хотя и включенныхъ въ религиозно-бредовую систему.

Однако, каковы бы ни были послѣдніе источники и характеръ этого религиознаго опыта, одно несомнѣнно: и для этой области необходима критическая провѣрка, и она не можетъ быть освобождена отъ контроля гносеологіи. Штейнеръ противопоставляетъ свое учение откровенію въры въ качества духовнаго знанія. Откровеніе имѣетъ свою критическую провѣрку, свою гносеологію, это именно по суду Церкви, движимой Духомъ Св.. Такимъ именно путемъ возникъ канонъ священныхъ книгъ, который предполагаетъ извѣстный отборъ, принятіе однихъ книгъ и отверженіе другихъ, различеніе истины отъ заблужденій. Свой путь Штейнеръ опредѣляетъ какъ духовное изслѣдованіе, слѣдовательно, приравниваетъ его въ извѣстномъ смыслѣ всякому научному изслѣдованію. Но всякое научное изслѣдованіе относительно и ограничено, оно не безошибочно и подлежитъ критической провѣркѣ, ибо содержитъ въ себѣ возможность ошибки и заблужденія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ вся исторія науки. Однако, въ антропософскихъ сочиненіяхъ Штейнера, гдѣ такъ много говорится о научномъ изслѣдованіи, ничего не говорится объ оккультной гносеологіи, о критической провѣркѣ и опасности заблужденія, между тѣмъ какъ уже собственное расхожденіе его съ Блаватской и Безантъ, и при-

томъ не по маловажнымъ деталямъ, но по основному вопросу о Христѣ, свидѣтельствуетъ о возможности разнотолкованія. Впрочемъ, мимоходомъ и лишь, такъ сказать, въ третью лицѣ, въ примѣненіи къ другимъ говоритъ Штейнеръ и о трудности оккультнаго изслѣдованія, и о возможности здѣсь ошибокъ. «Это чтеніе въ Акашъ-Хроникѣ не такъ легко, какъ наблюденіе событий въ мірѣ физическомъ» (Luc.; Ev. 19). «Въ частности, очень легко возможно слѣдять ошибку и впасть въ заблужденіе, когда ищется нахожденіе я въ прежнихъ тѣлахъ. Поэтому, когда восходятъ въ высшіе міры, то нелегко все, что принадлежитъ челоуку, къ личности, связать съ тѣмъ, что въ Акашъ-Хроникѣ обозначено какъ прежнія воплощенія» (21). «Лишь самое обстоятельное, во всѣ стороны простирающееся изслѣдованіе въ Акашъ-Хроникѣ можетъ привести намъ предъ духовныя очи какую либо сущность» (24). Трудность прослѣдить всю эту пляску разныхъ перевоплощающихся тѣлъ поясняется вымышленными примѣрами (21-4), а затѣмъ показывается и относительно «сущности» Христа. «Мы можемъ изобразить ее съ точки зрѣнія Ак.-Хр., если мы прослѣдимъ пути, которые продѣлали члене члена тогдашней Christus-Jesus-Wesenheit въ развитіи челоучества» (24). Къ этимъ трудностямъ надо еще присоединить трудность перевода данныхъ «духовнаго знанія» на языкъ обыденной жизни (Mg. 26). Однако, эти критическія сомнѣнія существуютъ не для самого Штейнера, который въ изложеніи своихъ оккультныхъ открытій остается аподиктиченъ и непогрѣшителенъ. Для нихъ не существуетъ границъ ни въ предметѣ, ни въ пространствѣ, ни во времени. Для Штейнера одинаково открыты всѣ міры или планы, онъ все можетъ рассказать о божественныхъ сущностяхъ въ частности и о Christuswesenheit, для всезаключающаго «доктора» не остается тайнъ. Онъ можетъ опредѣлить и время новаго пришествія Христа на эфирномъ планѣ въ настоящемъ вѣкѣ, какъ и предвидѣть черезъ 3000 лѣтъ

новое воплощение Маутреуа — Будды. Онъ знаетъ біографію перевоплощеній библейскихъ и небиблейскихъ личностей какъ и всю исторію человечества, а при этомъ еще роняетъ замѣчаніе, что «и теперь даже въ маломъ кругу не прошло еще время все сказать о тайнахъ «Christus-Ereignissen» (301). Если мѣрять это всевѣдѣніе «доктора» намъ уже извѣстными образами пророковъ и посланниковъ Божіихъ, то выходитъ, что онъ всѣхъ ихъ превышаетъ: пророковъ, евангелистовъ, апостоловъ. И невольно возникаетъ вопросъ: за кого же должно почитать такого «посвященнаго» и за кого онъ самъ себя выдаетъ? Его послѣдователи, которымъ преподается это откровение, какъ результатъ «духовнаго изслѣдованія», не могутъ провѣрить его безошибочности. Эти данныя сообщаются въ заставшей, диллетантской, аподиктической формѣ цикловъ, содержаніе которыхъ остается усвоить на память, вызубрить. Они должны быть приняты какъ фактъ, какъ откровеніе, какъ предметъ вѣры. Но эта вѣра есть вѣра въ человека, вѣра въ «доктора».

Такая вѣра есть суетная и пустая вѣра, она есть суетная вѣра. Штейнеріанство... есть некое суевѣріе нашихъ дней. И центральныя догматы этого суевѣрія, все его содержаніе собой скрѣпляющій, есть перевоплощеніе.

Прот. С. Булгаковъ.

Сентябрь 1934.

УЧЕНІЕ О ПЕРЕВОПЛОЩЕНІИ И ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВѢКА

Ученіе о перевоплощеніи свойственно всѣмъ оккультическимъ и теософическимъ теченіямъ. Въ этомъ отношеніи они представляютъ родовое явленіе. Именно идея перевоплощенія наиболее распространяется въ этихъ ученіяхъ. Въ то время какъ ученіе о составѣ космоса и планетарныхъ эволюціяхъ совсѣмъ непереводимо на языкъ духовнаго опыта человека, съ трудомъ связывается съ его судьбой и есть заучиваніе наизусть теософическихъ учебниковъ, какъ заучиваются учебники географіи и минералогіи, ученіе о перевоплощеніи дѣйствительно можетъ быть связано съ духовной жизнью человека и съ его судьбой. Оно пытается дать отвѣтъ на мучительное вопрошаніе о несправедливыхъ страданіяхъ жизни. Популярность теософій и антропософій связана именно съ ученіемъ о перевоплощеніи. И этой популярности способствуютъ слабость и неудовлетворительность богословскихъ ученій о генезисѣ души и ея конечной судьбѣ. Съ трудомъ можно примириться съ традиционнѣмъ ученіемъ, согласно которому душа творится во время зачатія и слѣдовательно въ этотъ моментъ ей сообщается первородный грѣхъ подобно заразной болѣзни, какъ трудно примириться съ другимъ ученіемъ, согласно которому душа есть про-